

Giora, Rachel, Ofer Fein and Tamir Schwartz. 1998. "Irony: Graded Salience and Indirect Negation." *Metaphor and Symbol* 13:83-101.

Grand, Steven Lee. 1994. *The Battle for Imagery: Visual Metaphor and Televisual Persuasion in The Gulf War*. Ph.D. Diss.: University of Southern California.

Holsti, Ole R. 2004. *Public Opinion and American Foreign Policy* Revised Edition. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.

Iyengar, Shanto. 1991. *Is Anyone Responsible? How Television Frames Political Issues*. Chicago: University of Chicago Press.

Johnson, J. T. and S. E. Taylor. 1981. "The Effect of Metaphor on Political Attitudes." *Basic and Applied Social Psychology* 2: 305-16.

Lakoff, George. 1991. "Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf." *Journal of Urban and Cultural Studies* 2:59-72.

Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago: University of Chicago Press.

Lang, Annie. 1994. *Measuring Psychological Responses to the Media*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.

Ortony, A. 1975. "Why Metaphors are Necessary and not Just Nice." *Educational Theory* 25:45-53.

Ottati, V., Rhoads, S. and Graesser, A. C. 1999. "The Effect of Metaphor on Processing Style in an PersuasionTask: A Motivational Resonance Model." *Journal of Personality and Social Psychology* 77:688-97.

Patterson, Thomas E. 1994. *Out of Order*. New York: Vintage.

Peleg, Orna, Rachel Giora and Ofer Fein. 2001. "Salience and Context Effects: Two Are Better Than One." *Metaphor and Symbol* 16:173-92.

Russell, Daniel, Edward McAuley and Valerie Jerico. 1987. "Measuring Causal Attributions for Success and Failure: A Comparison of Methodologies for Assessing Causal Dimensions." *Journal of Personality and Social Psychology* 52:1248-57.

Sparks, Glenn G. 2002. *Media Effects Research: A Basic Overview*. Belmont, CA: Wadsworth.

Zhou, Ling-Yi. 1995. *Changes In the Affective Meaning of Topic and Vehicle Terms After Metaphor Comprehension*. Ph.D. Diss.: Miami University.

© Белт Т., 2007

© Аникин Е.Е. (перевод), 2007

Будаев Э. В.

Нижний Тагил, Россия

**СКАЗКА О СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЕ
В СРЕДНЕВЕКОВОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ***

Abstract

Researches into contemporary political discourse all over the world reveal the typical narrative of justification of war. This narrative contains three agents

(HERO, VILLAIN, and VICTIM) and seems to be a universal cognitive structure framing political picture of the world in a crisis situation. This paper verifies the trinity model by researching into medieval political discourse. It is argued that the medieval gothic Fairy-Tale of Just War is binary, as the agent of VICTIM is omitted.

Современный интерес к когнитивным структурам и процессам, находящим отражение в политическом дискурсе, довольно высок, но, как показывают специальные исследования, этот интерес преимущественно современностью и ограничивается [Будаев, Чудинов 2007]. В центре внимания настоящего исследования – когнитивная модель «Сказка о справедливой войне», реализуемая в средневековом политическом сознании.

В рамках риторического направления политической лингвистики было показано, что в основе конструируемой в политическом дискурсе «Сказки о справедливой войне» лежит необходимость в морализации конфронтации, а сама «сказка» содержит в себе редуцированную историю с заданным набором типичных агентов: Герой, Злодей, Жертва. Три агента этого типичного нарратива (далее – тринарная модель) зафиксированы на примере анализа политического дискурса во многих странах мира. Так, Дж. Лакофф регулярно указывал на тринарную модель «Сказка о справедливой войне» в политическом дискурсе США, выявив несколько ее вариантов («сказка о спасении», «сказка о самозащите») [Lakoff 1991; Lakoff 2004]. Вслед за ним многие исследователи фиксировали эту модель в американском политическом дискурсе [Hiebert 2003; Kennedy 2000; Mowlana et al. 1992]. Аналогичную модель рассматривает А. П. Чудинов на примере анализа российской метафорики [Чудинов 2003]. Ряд исследователей обнаружили эту модель в итальянском политическом дискурсе [Bassi 1996; Rolandi 2005; Zaccarella 2005]. А. Абрантес демонстрирует актуализацию тринарной модели в португальской и немецкой прессе [Abrantes 2001], а Р. Кусисто показала ее распространенность на примере сопоставительного анализа политического дискурса лидеров США, Франции и Великобритании [Kuusisto 1998].

Исследователи выяснили, что «Сказка о справедливой войне» может реализовываться в разных культурно-специфичных вариантах (вестерн, крестовый поход, битва на Косовом поле и др.). Например, в роли Героя может выступать *ковбой, полицейский, рыцарь-христианин, партизан* или просто *цивилизованный человек*, а Злодей объективируется в образах *кровожадного индейца, сексуального маньяка, уголовника, нациста, зверчеловека* и т.п. Вместе с тем фреймовая, типизированная структура (тринарная модель) остается неизменной.

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ (грант 07-04-02002а – Метафорический образ России в отечественном и зарубежном политическом дискурсе).

Столь обширное распространение тринарной модели наводит на мысль о ее межкультурном изоморфизме. Более того, универсальность этой модели прослеживается на примере анализа политического мирового интердискурса на протяжении последних ста лет, что наводит на мысль о том, что эта модель обладает диахроническим изоморфизмом.

В настоящем исследовании предпринята попытка выяснить, является ли «Сказка о справедливой войне» архетипичной моделью осмысления и оправдания войны или ее фреймовая структура видоизменяется с течением времени. Для этого обратимся к материалу, отстоящему от современности на 15 столетий.

Для решения поставленной задачи необходимо выбрать адекватный материал для исследования. В средние века не было ни газет, ни радио, ни телевидения, которые служат благодатными источниками для исследователей современного политического дискурса, поэтому при выборе материала необходимо обратиться к источникам, которые до известной степени содержат наиболее значимые характеристики, релевантные для изучения «Сказки о справедливой войне». Другими словами, необходим источник: 1) наиболее полно представляющий политическую историю рассматриваемой эпохи; 2) изобилующий описанием военных конфронтаций; 3) оправдывающий военные действия определенного сообщества; 4) написанный с идеологических позиций этого сообщества и являющийся элементом дискурса власти.

Учитывая изложенные требования, для анализа было выбрано произведение «De origine actibusque Getarum» («О происхождении и деяниях Гетов»).

Во-первых, «De origine actibusque Getarum» – одно из крупнейших произведений эпохи раннего средневековья, дающее широкую картину европейской военно-политической истории. Во-вторых, описываемые в нем события относятся к «эпохе переселения народов». Этот период особенно насыщен военными конфликтами, связанными с грандиозными миграциями племен, крушением Римской империи, образованием варварских королевств. Иордан, автор «De origine actibusque Getarum», описывает историю готов, начиная с того времени, когда они покинули Скандинавский полуостров и доводит события до 551 г.

«De origine actibusque Getarum» представляет собой сокращенное изложение несохранившегося труда «История готов», написанного Кассиодором, приближенным остготского короля Теодориха. Вместе с тем у Иордана было в распоряжении только три дня, чтобы ознакомиться с трудом Кассиодора, поэтому произведение содержит его собственные вставки и интерпретации. Сам Иордан служил нотариумом

у крупного остготского военачальника Гунтигиса Базы. Таким образом, выбранное произведение удовлетворяет и двум последним требованиям: его «авторы» (учитывая Кассиодора) – представители готского сообщества, пишущие о войнах готов в интересах готской власти.

Не вдаваясь в политические подробности той эпохи, отметим, что в сочинении Кассиодора содержалось утверждение права остготов на полную независимость их королевства от империи, а перед Иорданом, очевидно, стояла задача сгладить этот аспект, чего требовала текущая политическая ситуация. В произведении Иордана присутствует «почтительность» по отношению к империи, которой, вероятно, не было у Кассиодора. Иначе не было бы и смысла создавать переработку «Истории готов». Однако это обстоятельство не могло отразиться на типичных для той эпохи средствах оправдания войны, тем более оно не могло изменить количество агентов в фреймовой структуре «Сказки о справедливой войне».

В изложении Иордана не всегда можно однозначно отделить локальные военные столкновения от войн в виду сбивчивости изложения, разной степени детализированности в описании разномасштабных конфронтаций. Наконец, некоторые события сомнительны с точки зрения исторической достоверности. Вместе с тем то, что представляет проблему для исторического исследования, не является препятствием для лингвокогнитивного изыскания: актуализация фрейма «Сказки о справедливой войне» проявляется в повествовании независимо от точности изложения событий или даже их достоверности.

В ходе исследования методом сплошной выборки фиксировались военные нарративы и определялись их агенты (участники военных конфликтов), которые распределялись по фреймовым ролям: Герои, Жертвы и Злодеи. Таким образом, были рассмотрены военные конфликты, в которых врагами готов были ульмеруги, вандалы, спалы, египтяне, греки, персы, македоняне, римляне, квады, маркоманы, гепиды, троянцы, герулы, парфянцы, чудь, весь, мерь, мордва, эсты, гунны, свавы, бриттоны, бургудзоны, анты, садаги и скиры. Многие конфликты не исчерпывались одной войной. Так, готы несколько раз воевали с персами, римлянами, гуннами, вандалами.

Анализ готских военных нарративов показывает, что в описываемых Иорданом конфликтах актуализирована *бинарная модель* «Сказки о справедливой войне», включающая только два агента: Герой и Злодей. Для морального оправдания войны не нужна беззащитная Жертва. Достаточно доблестного Героя, чья моральность как раз и заключается в его доблести, способности сокрушить против-

ника. Злодей, конечно, плох, но не потому, что обидел Жертву, а потому, что Злодей слабее Героя. Слава Героя напрямую зависит от его военной мощи, количества убитых врагов, обращенных в рабство иноплемеников. На этом и основывается логика войны. Оправданием для ее начала служит слабость соседнего этноса.

С современной точки зрения, подобные действия – вероломная агрессия, направленная на ограбление соседних народов и не имеющая каких-либо моральных оснований. Ср.: *Pos cuius decessum Criva, exercitum dividens in duas partes, nonnullos ad vastandum Moesiam dirigit, sciens eam negligentibus principibus defensoribus destitutam* [101]. После его смерти Крива, разделив войско на две части, многих направил на опустошение Мезии, зная, что и императоры ею пренебрегают, и защитников она лишена.

Quod in omni lascivia resoluta Respa et Veduco Tharuaroque duces Gothorum sumptibus Asiaticam transierunt, fretum Ellispontiacum transvecti, ubi multas eius provinciae civitates populatas opinatissimum illud Ephesiae Dianae templum [107]. Дав волю своему буйству, Респа, Ведук и Тарвар, предводители готы, взяли корабли и, переправившись через Геллеспонтийский пролив, достигли Азии; в этой провинции они разграбили много городов, а в Эфесе сожгли известнейший храм Дианы.

Unde mox promoventes ad sedes Ulmerugorum, qui tunc Oceani ripas insidebant, castra metati sunt eosque commisso proelio propriis sedibus pepulerunt, eorumque vicinos Vandalos iam tunc subiugantes suis aplicavere victoriis [26]. Вскоре они продвинулись оттуда на места ульмеругов, которые жили тогда на берегах океана; там они расположились лагерем, и, сразившись, вытеснили ульмеругов с их собственных поселений.

Подобные нарративы «славной войны» типичны при описании наступательных военных действий. Мораль состоит не в том, чтобы защитить слабую Жертву, а в том, чтобы повергнуть Злодея-иноплеменика (слабого по определению). В готских военных нарративах нет места для Жертвы.

Вместе с тем готская бинарная модель контрастирует только с одним из вариантов «Сказки о справедливой войне», предложенным Дж. Лакоффом, а именно «Сказкой о спасении». Возможно, «Сказка о самозащите» проявит тринарную структуру?

В нескольких конфликтах, описываемых Иорданом, готы не были инициаторами военных конфронтаций, но и в этих случаях они не рассматриваются в данных контекстах как жертвы, страдающие от насилия иноземцев. Более того, даже «праведные жрецы» или безоружные женщины, т.е. члены готского общества, не специализирующиеся на войне и,

казалось бы, как никто другой подходящие на роль Жертвы, способны легко справиться с целой армией иноплемеников. Как и готы-воины они обладают атрибутами доблестного и сильного Героя, но не слабой Жертвы.

Так, Иордан описывает случай, когда македоняне планировали осадить готский город, в котором не было воинов. Готские «праведные жрецы» внезапно вышли из города «с кифарами» и стали петь религиозные песни. Иордан так описывает результат этого маневра: *Macedones sic fiducialiter sibi occurrere contuentes stupiscent et, si dici fas est, ab inermibus terrentum armati, nec mora soluta acie quam ad bellandum construxerant...* [65]. Македоняне, увидев их, так уверенно к ним приближающихся, остолбенели, и тогда, если можно так сказать, – безоружные привели в ужас вооруженных. Македоняне немедленно распустили войско, которое они построили для нападения...

Еще более показателен пример, в котором описывается, как безоружные женщины управляют с иноплемениками агрессорами, а, вооружившись, покоряют огромные территории. Ср.: *Post cuius decessum et exercitu eius cum successores ipsius in aliis partibus expeditione gerentibus feminae Gothorum a quadam vicina gente temptantur in praeda, quae doctae a viris fortiter resisterunt hostesque super se venientes cum magna verecundia abigerunt, quae patraetae victoria fretaeque maioris audacia invicem se cohortantes arma arripiunt elegantesque duas audentiores Lampeto et Marpesia principatum subrogarunt. quae dum curam gerunt, ut et propria defenderent et aliena vastarent, sortitae Lampeto restitit fines patrios tuendo, Marpesia vero feminarum agmine sumpta novum genus exercitui duxit in Asiaticam, diversasque gentes bello superans, alios vero pace concilian, ad Cauchasum venit* [49-50]. После его кончины, когда войско при его преемниках совершало походы в других странах, некое соседнее племя попыталось захватить готских женщин как добычу. Они же, наученные мужьями, сильно сопротивлялись и прогнали наступавших на них врагов с большим позором. Достигнув такой победы и полагаясь на еще большую свою отвагу, они, воодушевляя друг друга, быстро вооружились и избрали двух храбрейших жен, Лампето и Марпезию, которых и поставили во главе государства. Обе они в заботе о том, чтобы и свои владения защитить и чужие опустошать, бросили жребий, причем Лампето осталась охранять родные границы, а Марпезия, собрав ополчение из женщин, повела такой новый род войска в Азию. Она покорила войной различные племена, а иные присоединила, заключая мир, и таким образом дошла до Кавказа.

Таким образом, в готских нарративах оборонительной войны не востребован третий агент (Жертва). Даже «прототипические жерт-

вы» военной агрессии (с современной точки зрения) не требуют спасения со стороны Героя, а сами являются Героем в силу принадлежности к готскому сообществу.

По мнению Дж. Лакоффа [Lakoff 1996], основной вопрос политического дискурса – вопрос морали. Однако основания морали в разные исторические эпохи неравнозначны. Готы приносили своим богам человеческие жертвы (культ бога войны Арея фракийского), и военнопленные были средством умиловать богов, поэтому и война – средство умиловать богов, а значит улучшить свое благосостояние, отвести от своего народа беды и несчастья. При таком мировоззрении война моральна по определению, для ее оправдания не нужна «слабая Жертва». «Слабая Жертва» – это и есть враг-Злодей, потенциальный кандидат занять место на жертвенном алтаре. Для средневековой готской «Сказки о справедливой войне» достаточно *бинарной модели*.

Как отмечает А. П. Чудинов, «логика развития науки такова, что достижение поставленных целей открывает новые горизонты» [2001: 223]. В контексте настоящего исследования возникает вопрос, почему же бинарную модель «Сказки о справедливой войне» вытеснила тринарная модель?

Во времена Иордана христианизация варварских германских племен еще только началась. Можно предположить, что позднейшее становление или заимствование тринарной модели связано с распространением среди германцев христианства, с формированием в общественном сознании мелиоративных признаков концепта жертвенности, становлением этики защиты слабого, императивом соблюдения десяти заповедей. Однако для подтверждения или опровержения этой гипотезы об экстралингвистических факторах трансформации *бинарной модели* в *тринарную* требуются дополнительные исследовательские изыскания.

Хронологические варианты фрейма «Сказки о справедливой войне» варьируется в военных нарративах в корреляции с конфессиональными и этнокультурными факторами, поэтому полученные данные не являются основанием для экстраполяции выводов на весь раннесредневековый европейский политический дискурс. Однако они заставляют осторожнее относиться к хронологической универсализации полученных в рамках анализа современного политического дискурса закономерностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. М., 2007.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2007.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры. Екатеринбург, 2001.

Abrantes A. M. As Dimensões Semântica e Pragmática do Eufemismo na Imprensa. Uma abordagem cognitiva. Lisboa, 2001.

Bassi S. *I sistemi metaforici concettuali nella politica contemporanea*. Torino, 1996.

Hiebert R. Public Relations and Propaganda in Framing the Iraq War: A Preliminary Review // *Public Relations Review*. 2003. Vol. 29. № 3.

Kennedy V. Intended tropes and unintended metaphors in reporting on the war in Kosovo // *Metaphor and Symbol*. 2000. Vol. 15. № 4.

Kuusisto R. Framing the Wars in the Gulf and in Bosnia: The Rhetorical Definitions of the Western Power Leaders in Action // *Journal of Peace Research*. 1998. Vol. 35.

Lakoff G. Don't Think Of An Elephant! Know Your Values and Frame the Debate: The Essential Guide for Progressives. White River Junction, 2004.

Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf // *metaphor.uoregon.edu/lakoff-1.htm* – 1991.

Lakoff G. Moral Politics: What Conservatives Know That Liberals Don't. Chicago, 1996.

Mowlana H., Gerbner G., Schiller H. Triumph of the image: The media's war in the Persian Gulf: A global perspective. Boulder, 1992.

Rolandi F. Just or unjust wars: la stampa italiana e le guerre contro l'Iraq (1991-2003). Milano, 2005.

Zaccarella P. Politica estera e comunicazione: La prima guerra del golfo secondo "La Repubblica" e "L'Unita". Torino, 2005.

© Будаев Э.В., 2007

Будаев Э. В., Чудинов А. П.

Екатеринбург, Нижний Тагил, Россия

ЭВОЛЮЦИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СОВЕТОЛОГИИ*

Abstract

The paper investigates the genesis and development of linguistic sovietology. The analysis of researches carried out in the USA and the UK delineates three stages in the evolution of this trend. The first stage is bounded by the time interval stretching from the October Revolution to World War II. The peculiarities of this stage are linked to a simultaneous formation of political communication research against the background of popularity of left ideology in the USA and the UK. The next stage covers the years of the Cold War, when ideological struggle was especially tensed. Finally, the article surveys the period embracing perestroika and the break-up of the Soviet Union.

Выступая в Колумбийском университете 26 сентября 2003 года, президент России

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ (грант 07-04-02002а – Метафорический образ России в отечественном и зарубежном политическом дискурсе).